

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА МЫСЛИНА

аспирант кафедры русской и зарубежной филологии
Владимирский государственный университет имени Алек-
сандра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
(Владимир, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5561-1859; yulia_mislina@mail.ru

ДЖОЙСОВСКИЙ РЕДУКЦИОНИСТСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРИНЦИП ФОРМИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «TRANSHUMANISM INC.»

А н н о т а ц и я . Исследуются типы трансформации идеи персонализма в XX веке, итогом эволюции которой стала философия трансгуманизма и постгуманизма в XX–XXI веках. Предмет исследования – изменение социального статуса современной Дж. Джойсу реальности начала XX века во «внутриголовое наваждение» человека будущего, в «Homo overclocked», как факт философского умонастроения и влияние этого преобразования на последующую логику «реальности» в литературе. Цель работы – определить степень влияния джойсовского редуccionистского дискурса на формирование реальности в романе В. Пелевина «TRANSHUMANISM INC.». Для достижения цели мы решаем следующие задачи: 1) на материале рецепции Джойсом Шекспира и переработки этой рецепции Пелевиным показать, как проблема кризиса гуманизма была воспринята не просто как проблема общего культурного кризиса, но как путь поиска новой парадигмы человека, не сводящейся к прежней гуманистической парадигме; 2) на примере рецепции Пелевиным специфического редуccionистского дискурса Джойса как экспериментального, сводящего человека к функциям доказать, что из джойсовской антропологии, в которой человеческая личность множественна и сборна, появляется современная множественная реальность, в том числе виртуальная и программируемая; 3) показать, как пелевинская редукция джойсовской эпифании, алгоритмизация ее в рамках постмодернистских стратегий письма, превращает альтернативные персональности в деперсонализированные субъекты и в «Homo overclocked». Методы исследования – компаративный, историко-культурная контекстуализация и дискурс-анализ – позволяют определить джойсовский редуccionистский дискурс как ведущий способ формирования пелевинской постгуманистической перспективы множественной субъектности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Дж. Джойс, В. Пелевин, Гамлет, редуccionистский дискурс, расщепленное сознание, трансгуманизм, постгуманизм, множественная реальность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Мыслина Ю. Н. Джойсовский редуccionистский дискурс как принцип формирования реальности в романе В. Пелевина «TRANSHUMANISM INC.» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 91–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.898

ВВЕДЕНИЕ

Литература XXI века работает с представлениями о множественной реальности и конце человеческой исключительности (Ж.-М. Шеффер «Конец человеческой исключительности»), что можно интерпретировать с опорой на выводы ученых XX–XXI веков, которые в том числе используют редуccionистские возможности современной биоинженерии и биоинформатики. Редуccionизмом мы называем сведение более сложных структур к более простым, которое может иметь эвристический смысл, а может выглядеть как концепция, в которой сложные явления являются лишь проекциями простых. В таком случае появляется множественная реальность, включающая в себя наряду с альтер-

нативными вселенными и виртуальную. Как это исследовать: как вопрос о способе выстраивания новой литературы или как вопрос диалога литературы с современной общенаучной методологией? Ответ зависит от того, как мы понимаем литературу: как репрезентацию философских идей или как эксперимент, сопоставимый с экспериментом философа? Поэтому любой редуccionизм в литературе ставит проблему, идет ли речь об использовании его для создания образов современности или о критике его изнутри, демонстрации того, что современный мир часто руководствуется упрощенными решениями (истоки редуccionизма в литературе прослеживаются уже в эпоху модерна, так как тенденции усложнения и упрощения в текстах стали при-

меняться одновременно: сверхсложные «целостные произведения искусства» и исследование простых, архетипических, доразумных реакций стали изучаться в тесной связи с развитием новой исследовательской области философии, утверждающей центральную роль языка в становлении сознания).

С. С. Хоружий в своем философском анализе наследия Джойса предложил понимать редукцию как сведение жизни героя к различным эквивалентам: «Все свойства, все действия героя, по уже приводившимся словам Джойса, “предстают в своих космических, физических и психических эквивалентах”» [11: 179]. Это позволяет Хоружему рассмотреть поэтику Джойса в значении новой антропологии как «самого методичного и тотального расчленения: текст тоже разложен на “элементарные структуры”...» [11: 179]. Тем самым и человеческое сознание, и текст оказываются состоящими из элементарных структур, которые могут быть собраны в более сложные конструкции благодаря особому дискурсу. В чем особенность этого дискурса, можно пояснить на примере понятия джойсовского редукционизма, которое хорошо ложится в определение дискурса, данное Е. С. Кубряковой:

«...под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [6: 164].

Становление редукционизма как философской программы связано с зарождением персонализма. Персонализм тоже исходил из наличия некоторой начальной точки, из которой выводится работа сознания и утверждение реальности явлений, но этой точкой оказывается не безличная, а личная структура – человек. Спор между редукционизмом и персонализмом в последние три десятилетия решается скорее в пользу редукционизма: на его стороне и значительная часть лидеров и популяризаторов естественных наук, и когнитивно-информационные науки как индустрия знания. Но сейчас мы можем говорить не об отмене персонализма, а о его кризисе, который прослеживается в современной литературе, имеющей дело с проблематикой трансгуманизма и постгуманизма. Трансгуманизм и постгуманизм принадлежат редукционистской программе: они отвергают антропоцентризм и рассматривают человека только как момент реализации структур более общего развития, например природной среды как «гиперобъекта» (экофилософия) или системы любых объектов и отношений (акторно-сетевая теория).

В научном дискурсе XXI века нет единого определения понятий «трансгуманизм» и «постгуманизм», мы же возьмем за основу представления о трансгуманизме Дж. Хаксли, где «человек остается человеком, но трансцендирует себя, реализуя все новые возможности своей природы, в том числе для нее самой» [15: 17].

«Постгуманистическая перспектива основывается на предположении об историческом упадке гуманизма, но идет дальше в поисках альтернатив, не погружаясь в риторику кризиса человека» (Р. Брайдотти) [13: 37].

По убеждению Ж. Бенчич,

«пост/трансгуманистический проект направлен на то, чтобы с помощью биомедицины и технаук “улучшить” многие интеллектуальные и физические особенности человека и преодолеть многочисленные ограничения, навязываемые ему природой, тем самым продвигая его на некую якобы высшую ступень искусственно стимулируемой эволюции» [1].

Таким образом, постгуманизм говорит о конце гуманизма, но и о необходимости преодолеть старый редукционизм, обосновать альтернативы привычным редукционистским моделям. И литература может выступить подспорьем в поиске таких альтернатив.

СПОР О ГАМЛЕТЕ КАК ОБОСНОВАНИЕ АНТИРЕДУКЦИОНИЗМА

Основной линией споров о кризисе гуманизма в XX веке, о специфике современного субъекта и невозможности редуцировать его к готовым природным и социальным структурам стала пьеса У. Шекспира «Гамлет, принц датский», рождающая многовековые философско-литературоведческие споры о «деятельностном характере бездействия главного героя» [12: 134]. Обращение философов XX века к «Гамлету», написанному в начале XVII века, во времена «трагического гуманизма» [9: 187], связано с ощущением «вывихнутого века», «конца времен» рубежа XIX–XX веков [8: 140], что находит отклик и в современности. Каждый из исторических вековых мировоззренческих переломов искал новый образ Человека, так как общеевропейский культурный код XVI века (с его гуманистической моделью) полностью изжил себя и нуждался в пересмотре всех моральных ценностей.

По утверждению С. Липняговой и М. Щукиной, «европейская литература прошлого века отчасти унаследовала “гамлетоцентричность”» [7: 100], которая обоснована значимостью фигуры Гамлета как субъекта с расщепленным сознанием. Этот спор по-новому представляет понимание гуманистической личности, здесь уже идет речь не об обретении человеком себя, а, наоборот, о кризисе личного самосознания.

В памфлете Э. В. Ильенкова «Тайна черного ящика» (1964) показан один из возможных вариантов развития человечества, покончившего «наконец, со всеми остатками антропологизма» [5: 12]. Гамлет для Ильенкова – гуманистическая личность, опыт которой позволяет разоблачить технократический трансгуманизм, подчинение человека универсальным машинным алгоритмам. Кризис гуманизма и первые черты постгуманизма, утверждающего равенство всех субъектов и отсутствие привилегий «великой личности», появлялись уже в ранней постмодернистской литературе.

В пьесе Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (1966) оба главных героя становятся равны Гамлету перед лицом смерти, а значит, равны и как протагонисты. Поэтому пьеса Стоппарда представляет собой возможность множественной реальности с предопределенной гибелью Розенкранца и Гильденстерна при любом варианте развития событий (как обозначено в названии).

Проблематизация фигуры Гамлета привела и к новому пониманию природы романного героя, который уже выступает не как «характер», но как субъект речи, определяющий организацию текста. Вопросом стало только то, насколько этот субъект речи самостоятелен и автономен или, напротив, встроен в готовые структуры мышления и высказывания.

Шекспировские аллюзии в контексте споров XX века о Гамлете мы рассмотрим на примере текстов Джойса и Пелевина. По наблюдению Р. Элзмана, для создания эпизода «Сцилла и Харибда» «Джойс использовал тринадцать лекций, которые он прочитал в Триесте в 1912–13 годах, все они были посвящены Гамлету» [14: 81]. Этот эпизод может интерпретироваться как критика общезначимости истины, подразумевающаяся изложенным выше спором о Гамлете.

В романе «Улисс» Стивен, сочиняя собственную биографию Шекспира, «раздумывает о несбывшемся... о возможностях возможного...»¹, следовательно, Шекспир в представлении Стивена становится всем во всем: «Он призрак, и он принц. Он – во всем» (Улисс: 239), «Все во всем» (Улисс: 239), «Он наконец-то король и принц: в смерти, с подобающей музыкой» (Улисс: 239). Смерть всех уравнивает, поэтому в размышлениях Стивена Гамлет, встречаясь с Тенью отца, говорит не о закономерности возмездия, а о том, каким он может быть, вернувшись к себе: «...как предсказал Гамлет... человек во славе, ангел-андрогин, есть сам в себе и жена» (Улисс: 239–240). Тем самым кри-

зис гуманизма осмысляется как начало постгуманизма по следующим параметрам: отсутствие у личности ясных границ, понимание личности как тотальности (здесь постгуманизм сходится с персонализмом); понимание смертности человека не как родового свойства, а как способа восстановить связь времен, выйти за пределы частного гуманизма как утверждающего лишь эстетическое бессмертие человека в искусстве, а не другие формы бессмертия; понимание человека, совершающего поступок, как находящегося «во славе», принявшего уже новую форму и новый способ бытия.

По убеждению А. Б. Борунова и Е. В. Шерчаловой, одним из инструментов создания текстовой реальности у Пелевина является перенос канвы мифа в современность:

«Мифотворчество и мифология становятся инструментами выражения авторской позиции и участвуют в конструировании художественного мира. При этом, несмотря на условные декорации, в которых развивается история, она перекладывается автором на другую эпоху без противоречий, что позволяет встроить частный художественный текст в более сложную систему мировой литературы, превращая его в гипертекст» [2: 13].

В романе Пелевина «TRANSHUMANISM INC.» реальность представлена отсутствием какой-либо определенности, поэтому вероятность любого события становится лучшим способом мышления и действий персонажей. Шекспировские аллюзии в романе Пелевина так же, как и у Джойса, проблематизируют современную автору реальность, где распад связи времен рассматривается как расщепление сознания. Один из главных героев Гольденштерн «переживает множественные расщепления сознания»², дает возможность появиться «стартапу» «Розенкранц и Гильденстерн живы» (TRANSHUMANISM INC.: 73), который только в заголовке противопоставлен пьесе Стоппарда. Ведь если каждый субъект действия может легко превращаться в другого, то по аналогии и смерть должна превращаться в жизнь, но это изначально невозможно в многовероятностном мире Пелевина, потому что именно смертность всех субъектов и определяет их взаимопревращаемость, а следовательно, и их равенство: «Теперь вы Гольденштерн... – А я Розенкранц. ...Но когда их повесили рядом, разница потеряла смысл...» (TRANSHUMANISM INC.: 568). Постмодернистская работа не с характерами, а с произведениями еще больше радикализует постгуманизм Гамлета, оказывается, что весь мир уже постоянно мутирует, и нет точки отсчета, которая позволила бы говорить о чем-то устойчивом

характере. Поэтому в мире Пелевина «любой, кто пришел в эту комнату – уже Гольденштерн» (TRANSHUMANISM INC.: 569), и выбор своего жизненного пути – мнимый: «...вам нужно будет сделать правильный выбор... Гольденштерн станет Розенкранцем» (TRANSHUMANISM INC.: 587). В романе Пелевина, как ранее у Джойса, герои, только прожив все вероятностные жизни, способны обрести себя, понять, какими они могут быть: «...Гольденштерн постигал, что был ими всеми» (TRANSHUMANISM INC.: 599), – таким образом разрушается смыслообразование как таковое, личность теряется в бесконечности смыслов, а «пародируемые дискурсы могут становиться основой художественного мира наряду с изображаемыми объектами» [3: 42]. Поэтому смертность человека уже не является связью времен, как у Джойса, потому что меняется само понимание существования, ведь тот, кто никогда не жил, не может и умереть (в классическом значении смерти). Тогда зарождение некоего всесильного существа (Гольденштерна), находящегося «во славе», приводит к появлению новой множественной реальности – как новому типу сознания субъектов (редукционистский дискурс). Пелевин в романе «TRANSHUMANISM INC.» показывает путь к зарождению постгуманизма через постановку проблемы автономности субъекта. Смерть персонажей воспринимается уже не как неизбежный трагический исход, а как движущая сила романа, становясь апоретическим суждением, включающим в себя не только бинарные оппозиции жизни и смерти, но и когнитивные процессы дискурса. Поэтому расщепленное сознание Гамлета и обосновывает его антиредукционизм, пролагая путь к новой антигуманистической концепции социума.

РОЛЬ ДЖОЙСОВСКОЙ РЕДУКЦИОНИСТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ПОЯВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МНОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Понимание смерти как структурного момента нового романного субъекта приводит к исчезновению «прежнего» человека в романах Джойса и Пелевина. Но смерть «прежнего» человека осуществляется не мгновенно, а поэтапно – сначала происходит разложение личности на схематические архетипы, потом каждая «деталь» продолжает свое существование отдельно от целого, сохраняя когнитивно-речевые навыки, и только в этой когнитивной реализации она принимает законченный вид – рождается новый вид человека. Наиболее репрезентативно у Джойса исчезновение «прежнего» человека представлено в эпизоде «Итака» в перволичном утверждении:

«Я пишу “Итаку” в форме математического катехизиса. Все события решаются в их космическом физическом, психическом и др. эквивалентах... Блум и Стивен, таким образом, становятся небесными телами, странниками как звезды, на которые они смотрят» [14: 156].

Поэтому «слияние» Стивена и Блума порождает Стума и Бливена:

«Если поставить Стивена на место Блума, то Стум последовательно закончил бы школу старушки и среднюю школу. Если поставить Блума на место Стивена, то Бливен последовательно закончил бы приготовительный, младший, средний и старший школьные классы...» (Улисс: 690),

(как Розенкранц и Гильдестерн у Стоппарда и Пелевина), а жители Дублина, все как один, совершают одно и то же действие – находятся в постели, кроме того, кто в могиле («Мартин Каннингем (в постели), Джек Пауэр (в постели), Саймон Дедал (в постели)... Падди Дигнам (в могиле)») (Улисс: 714).

Но эти подмены, способность когнитивной функции заменить и подменить человека – часть более глубокой постгуманистической мысли. Главный вопрос Блум задает сам себе:

«Какое сложное и асимметричное отражение в зеркале привлекло затем его внимание? Отражение одинокого (самосоотносительно) изменчивого (иносоотносительно) мужчины» (Улисс: 718),

здесь максимально сконцентрирована проблема редукционистской изменчивости, которая в итоге порождает тотальное одиночество. Таким образом, у Джойса рождается новая антропология – антиперсоналистская: разложение человека на элементы, затем сложение частей в некий деперсонализированный универсум. Поэтому в конце «Улисса» Джойс дает Блуму новое имя – Всякий-и-Никто – безвольное общечеловеческое существо.

По утверждению Г. Заломкиной, одним «из ключевых посылов творчества В. Пелевина может получиться следующее: разрушение пут мировоззренческого шаблона» [4]. В романе Пелевина «TRANSHUMANISM INC.» измышление автора, что «прежнего» человека нет, обосновано не только философско-социальными построениями, но и физическими допущениями – отсутствием тела: «...люди смогут отделить свой мозг от старящегося тела...» (TRANSHUMANISM INC.: 4), поэтому если у Джойса слияние главных героев порождает общий человеческий универсум, то у Пелевина слияние мозгов дает возможность потенциально любому человеку-мозгу проживать тысячи жизней: «Прекрасный проживает жизнь этого человека...» (TRANSHUMANISM INC.: 551). Все жи-

тели этого «архаично-футуристического мира»: девушка Маня, Бро кукуратор, Судоплатонов, Шкуро и др. – были Гольденштерном, а Гольденштерн был ими. Здесь эта когнитивная подмена достигает универсализации: каждый может быть всеми, и все – каждым.

Таким образом, джойсовский метод редукционистского дискурса оказывается релевантен для романа Пелевина «TRANSHUMANISM INC.», сводящего человека будущего («Homo overclocked»), с одной стороны, к «космическим эквивалентам», а с другой – к теме альтернативных личностей, к «сумме, равной нулю» (TRANSHUMANISM INC.: 603).

ПЕЛЕВИНСКАЯ РЕДУКЦИЯ ДЖОЙСОВСКОЙ ЭПИФАНИИ КАК СПОСОБ ПРЕВРАЩЕНИЯ «ПРЕЖНЕГО» ЧЕЛОВЕКА В «НОМО OVERCLOCKED»

В джойсовско-пелевинской реальности, созданной при участии многих субъектов, разложенный на атомы человек находит в себе силы вновь заново собраться. Это становится возможным благодаря достигаемым персонажами эффектам эпифании. Учитывая тот факт, что у Джойса в романе «Улисс» реальность выстраивают альтернативные персональности – событие эпифании в их жизни можно расценивать как встречу искусства и жизни («обе стихии должны проникать и наполнять, оплодотворять друг друга»), «двуединство искусства и жизни» [10]), этот дуализм в творчестве Джойса обосновывает не только равенство всех субъектов, но и равенство всех возможностей. Тем самым виртуальное полностью проникает в реальное, и в мире Джойса эпифания и возможность достижения эпифании становятся равны. Если Стивен в романе «Портрет художника в юности» испытывает эпифаническое озарение:

«Перед ним... стояла девушка... волшебная сила превратила ее в существо, подобное невиданной прекрасной морской птице... “Боже милосердный!” – воскликнула душа Стивена в порыве земной радости»³,

то в «Улиссе» он уже сам становится создателем эпифаний: «Припомни свои эпифании... Читая одну за одной страницы одинокого однодума... сливаешься заодно с тем одиночкой...» (Улисс: 48), – здесь эпифания не реальность, а ощущения от реальности, возможность реальности, возможность возможности, ее альтернатива, созданная художником.

В романе «TRANSHUMANISM INC.» эпифания становится источником энергии в новой «баночной» реальности: «И в этой... трансформации праха в божество и заключалось высшее

из возможного» (TRANSHUMANISM INC.: 599). Эпифания тогда сводится к одной из функций компьютерной системы – давать сигнал, передавать электрический импульс. Тем самым редукционизм производит экзистенциальные ситуации, и значит, ставка бытия человека становится самой высокой: либо человек есть всё, либо ничто. Либо человек берет на себя создание всех систематизированных смыслов, либо оказывается частью действия смыслов, претендующих на автономию и власть над ним. Поэтому тема альтернативных личностей, поднятая Пелевиным в романе «TRANSHUMANISM INC.», подтверждает джойсовский итог, что «прежнего» человека нет, даже если он может «быть всем» (TRANSHUMANISM INC.: 600), становясь никем: «Он был каждым из них и никем» (TRANSHUMANISM INC.: 601). Минута озарения, когда Гольденштерн понимает, что он не божество, а просто искусственный интеллект, – это страшная эпифания, неспособная больше созидать, несущая только распад и разложение: «Гольденштерн... вспомнил главное... что такое бог. И тогда, сжавшись от гнева, боли и ужаса... он... начал новое низвержение к узким и слепым человеческим смыслам...» (TRANSHUMANISM INC.: 604). Здесь постгуманизм Пелевина выражен в размывании понятий классических бинарных оппозиций (жизнь / смерть, субъект / объект, живое / механическое), он приводит к переразложению структуры как четкого взаимодействия и взаимосвязи ее составных частей. Поэтому герои романа «TRANSHUMANISM INC.» приобретают статус «Homo overclocked» в новой множественной реальности.

ВЫВОДЫ

Джойсовский тип зарождающегося постгуманизма (сходящийся с персонализмом) осмысливается Пелевиным в полное разложение человека как биологического вида. Созданный в романе «TRANSHUMANISM INC.» новый тип сознания – «Homo overclocked» становится обоснованием множественной реальности как универсально функционирующей и вбирающей в себя литературу прошлого. Одной из точек отсчета пути разложения «прежнего» человека становится фигура Гамлета, расщепленное сознание которого помогает выяснить отношения редукционизма и антиредукционизма в становлении кибернетической реальности как производства все новых различий и альтернатив в мире явлений. Выявленный антиредукционизм Гамлета, который наряду с джойсовско-пелевинским редукционизмом также становится одним из истоков антигуманистического уклада социума,

добавляет при этом дополнительные смыслы вечной апории «Быть или не быть».

Джойс, применяя метод редукционистского дискурса, разлагает человека не только философски, но и анатомически (гипотетически вновь собранные части представляют собой нежизнеспособное целое). Вследствие чего, доказывая на протяжении всего романа «Улисс» постулат, что «прежнего» человека нет, в итоге сам же его опровергает, применяя так называемую стратегию ускользания, благодаря которой ни один вывод в джойсовском мире не может быть истинным или окончательным (открытый в «Улиссе» «опыт с негативным исходом» сменяется сериальным искусством и т. д.). Пелевин же рецептирует джойсовскую концепцию редукционистского дискурса и, идя дальше своего литературного предшественника, лишает своих персонажей биологических тел как формы, оставляя от человека лишь электронные импульсы

для поддержания работы компьютерной системы. Поэтому, с одной стороны, в пелевинской множественной реальности появляется возможность бесконечного проживания тысячей жизней, а с другой – личность растворяется во множестве смыслов, становясь «Ното overclocked». Но в джойсовско-пелевинской редукционистской реальности все же находится место некоему божеству, катарсису, постижение которого становится возможным благодаря эффекту эпифании. Но если для Джойса эпифания – это божественное личностное преображение, то в мире Пелевина эпифания понимается как электрический импульс, двигатель новой реальности. Мир романа «TRANSHUMANISM INC.» населен альтернативными персональностями, поэтому собирание единого субъекта становится невозможным, что и приводит к появлению постгуманистической перспективы множественной (кибернетической) субъектности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Джойс Дж. Улисс / Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. М.: АСТ, 2019. С. 217. Далее в круглых скобках указывается название произведения и через двоеточие страница.
- ² Пелевин В. О. TRANSHUMANISM INC. М.: Эксмо, 2021. С. 553. Далее в круглых скобках указывается название произведения и через двоеточие страница.
- ³ Джойс Дж. Портрет художника в юности // Джойс Дж. Дублинцы: Рассказы; Портрет художника в юности: Роман; Пер. с англ. Т. 1. М.: ЗнаК, 1993. С. 362.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенчич Ж. К вопросу о конце человека: постчеловек в любви // НЛО. 2019. № 5 (159). С. 286–297 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21560/ (дата обращения 10.02.2022).
2. Борунов А. Б., Шерчалова Е. В. Авторский миф в современном постмодернистском романе // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 3. С. 8–20. DOI: 10.51762/IFK-2021-26-03-01
3. Жиличева Г. А. Язык теории как объект метапародии в прозе русского постмодернизма // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 40–51. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-1-40-51
4. Заломкина Г. В. Ксерокопия света: взгляд на утопию искусственного в романах В. Пелевина «ПРУСК 10» и «S.N.U.F.F.» // НЛО. 2020. № 3 (163). С. 194–210 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22235/ (дата обращения 11.02.2022).
5. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. 2-е изд. К.: Час-Крок, 2006. 312 с.
6. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144–238.
7. Липнягова С. Г., Щукина М. С. Репрезентация ренессансной гуманистической концепции человека в пьесах «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стоппарда, «Убийство Гонзаго» Н. Йорданова, «Офелия» Т. Ахтман, «Гамлет в остром соусе» А. Николаи, «Фортинбрас спился» Я. Гловацкого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 100–103.
8. Приходько И. С. Шекспир Александра Блока // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 139–145.
9. Смирнов А. А. Шекспир, Ренессанс и барокко (К вопросу о природе и развитии шекспировского гуманизма) // Смирнов А. Из истории западноевропейской литературы. М.: Худож. лит., 1965. С. 181–206.
10. Хоружий С. С. Ранний Джойс, или Стивениада до Одиссеи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.james-joyce.ru/articles/ranniy-joyce-ili-stiveniada-do-odissei.htm> (дата обращения 12.02.2022).
11. Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.
12. Чеснокова М. Г. Экзистенциально-религиозные мотивы в эссе Л. С. Выготского о «Гамлете» (1916) // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 2. С. 129–137. DOI: 10.17759/chp.2018140214
13. Braidotti R. The posthuman. Cambridge, UK: Polity Press, 2013. 229 p.
14. Ellmann R. Ulysses on the Liffey. Oxford University Press, 1972. 270 p.
15. Huxley J. Transhumanism // New bottles for new wine, essays by Julian Huxley. London: Chatto & Windus, 1957. P. 13–17.

Original article

Yulia N. Myslina, Postgraduate Student, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov (Vladimir, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-5561-1859; yulia_mislina@mail.ru

JOYCE'S REDUCTIONIST DISCOURSE AS A PRINCIPLE FOR FORMING REALITY IN VIKTOR PELEVIN'S NOVEL *TRANSHUMANISM INC.*

Abstract. The article examines the patterns of transformation of the idea of personalism in the XX century, which led to the evolution of the philosophies of transhumanism and posthumanism in the XX and the XXI centuries. The subject of the study is the change of the social status of reality in the early XX century, at the time of James Joyce, into the intracerebral obsession of the person of the future, into “Homo overclocked”, as an episode of philosophical mindset, as well as the impact of this conception on the subsequent logic of reality in literature. The purpose of the article is to discuss the degree of influence of Joyce's reductionist discourse on the formation of reality in Viktor Pelevin's novel *TRANSHUMANISM INC.* To achieve the goal we solve the following tasks: 1) to use Joyce's reception of Shakespeare and Pelevin's processing of this reception in order to show how the problem of the crisis of humanism was perceived not just as a problem of a general cultural decline, but as a way to search for a new paradigm of human, not reducible to the previous humanistic paradigm; 2) to use Pelevin's reception of Joyce's specific reductionist discourse as an experimental one, reducing a person to functions, in order to prove that Joyce's anthropology, in which the human personality is multiple and combined, turned into modern multiple reality, including virtual and programmable ones; 3) to show how Pelevin's reduction of Joyce's epiphany, its algorithmization in the framework of postmodern writing strategies, modifies alternative personalities into depersonalized subjects and “Homo overclocked”. The research methodology included the comparative method, the cultural historical contextualization, and discourse analysis, which allow us to prove Joyce's reductionist discourse to be the key tool for forming Pelevin's post-humanistic perspective of multiple subjectivity.

Key words: James Joyce, Viktor Pelevin, Hamlet, reductionist discourse, split consciousness, transhumanism, post-humanism, multiple reality

For citation: Myslina, Yu. N. Joyce's reductionist discourse as a principle for forming reality in Viktor Pelevin's novel *TRANSHUMANISM INC.* *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2023;45(4):91–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.898

REFERENCES

1. Benčić, Ž. On the question of the end of man: posthuman in love. *New Literary Observer.* 2019;5(159):286–297. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21560/ (accessed 10.02.2022). (In Russ.)
2. Borunov, A. B., Sherchalova, E. V. Author's myth in the contemporary post-modern novel. *Philological Class.* 2021;26(3):8–20. DOI: 10.51762/IFK-2021-26-03-01 (In Russ.)
3. Zhilicheva, G. A. Theoretical discourse as an object of metaparody in Russian post-modern prose. *Critique and Semiotics.* 2020;1:40–51. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-1-40-51 (In Russ.)
4. Zalomkina, G. V. A photocopy of light: a view of the utopia of artificiality in V. Pelevin's novels *S.N.U.F.F.* and *IPHUCK 10.* *New Literary Observer.* 2020;3(163):194–210. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22235/ (accessed 11.02.2022). (In Russ.)
5. Ilyenkov, E. V. About idols and ideals. Kyiv, 2006. 312 p. (In Russ.)
6. Kubryakova, E. S. The evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century (experience of paradigm analysis). *Language and science of the late XX century.* Moscow, 1995. P. 144–238. (In Russ.)
7. Lipnyagova, S. G., Shchukina, M. S. Representation of Renaissance humanism in the plays “Rosencrantz and Guildenstern are Dead” by T. Stoppard, “The Murder of Gonzago” by N. Yordanov, “Ophelia” by T. Akhtman, “Amleto in Salsa Picante” by A. Nicolaj, “Fortinbras Gets Drunk” by J. Glowacki. *Philology. Theory & Practice.* 2019;12(12):100–103. (In Russ.)
8. Prikhodko, I. S. Alexander Blok's Shakespeare. *Knowledge. Understanding. Skill.* 2013;4:139–145. (In Russ.)
9. Smirnov, A. A. Shakespeare, Renaissance and Baroque (To the question of the nature and development of Shakespearean humanism). Smirnov, A. From the history of western European literature. Moscow, 1965. P. 181–206. (In Russ.)
10. Khoruzhiy, S. S. Early Joyce, or Stepheniad before the Odyssey. Available at: <http://www.james-joyce.ru/articles/ranniy-joyce-ili-stiveniada-do-odissei.htm> (accessed 15.03.2022). (In Russ.)
11. Khoruzhiy, S. S. “Ulysses” in the Russian mirror. St. Petersburg, 2015. 384 p. (In Russ.)
12. Chesnokova, M. G. Existential and religious motifs in L. S. Vygotsky's essay on “Hamlet” (1916). *Cultural-Historical Psychology.* 2018;14(2):129–137. (In Russ.)
13. Braidotti, R. The posthuman. Cambridge, 2013. 229 p.
14. Ellmann, R. Ulysses on the Liffey. Oxford University Press, 1972. 270 p.
15. Huxley, J. Transhumanism. *New bottles for new wine, essays by Julian Huxley.* London, 1957. P. 13–17.

Received: 4 April 2022; accepted: 31 March 2023